

ПРОБЛЕМЫ ЭВОЛЮЦИОННОЙ АНТРОПОЛОГИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Я.Я. РОГИНСКОГО

В.М. Харитонов

МГУ имени М.В.Ломоносова, НИИ и Музей антропологии, Москва

Основные работы в области эволюционной антропологии Я.Я. Рогинского касались вопросов возникновения современного вида человека и его прародины. Я.Я. Рогинский много работ посвятил критике гипотезы существования «пресапиенса» в Европе. Я.Я. Рогинский сделал многое для обоснования концепции «неандертальской фазы» в родословной сапиенса, привлекая палеоантропологические и археологические данные. Я.Я. Рогинский является автором детально разработанной концепции «широкого моноцентризма» в вопросе о прародине сапиенса. Им высказана своя точка зрения по проблеме происхождения неантропа и влияния природной среды. Я.Я. Рогинский занимался проблемой «разрывов постепенности» и скорости эволюции предков человека, разрабатывал философские аспекты антропогенеза. Большое внимание ученый уделил антропологическому творчеству Ч. Дарвина, выделив основные достижения в выработке модели антропогенеза и объяснив ограниченность ряда теоретических положений. Я.Я. Рогинский считал важным факт установления существования рядов древесных форм в родословной человека. Наконец, в ряде работ Я.Я. Рогинский касается вопроса соотношения онтогенеза и филогенеза гоминид.

Ключевые слова: Я.Я. Рогинский, антропогенез, гоминиды, гипотеза «пресапиенса», «широкий» моноцентризм, происхождение неантропа, Ч. Дарвин, соотношение онтогенеза и филогенеза гоминид

Из множества проблем антропологии, с которыми работал выдающийся отечественный антрополог Яков Яковлевич Рогинский (илл. 1), мы выбрали некоторые, относящиеся к эволюционной антропологии.

Ч. Дарвин – антрополог

Как известно, между основным трудом Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859) [Дарвин, 1939] и «Происхождение человека и половой отбор» (1871) [Дарвин, 1953] прошло значительное время, которое, на первый взгляд, трудно объяснить. Я. Я. Рогинский [Рогинский, 1953] предложил свое собственное объяснение причин молчания Ч. Дарвина по поводу причин антропогенеза.

1. Проблема антропогенеза могла помешать принятию эволюционной теории.
2. Естественнонаучное решение этого вопроса могло повлечь на автора обвинения в напаках на религию.
3. Проблема происхождения человека была своеобразной и в значительной части новой для Дарвина.

4. Дарвин собирался выполнить обещание, данное в книге «Происхождение видов путем естественного отбора», а именно опубликовать данные по изменчивости культурных растений и домашних животных.

5. Вывод о генезисе человека из какой-то более низкоорганизованной формы с неизбежностью вытекал из его общей теории, т.е. человек являл собою частный результат развития органического мира.

Я.Я. Рогинский пишет об определенных душевных колебаниях, когда ученый работал над теорией антропогенеза. В письме Ч. Дарвина к А. Уоллесу от 22 декабря 1857 г. мы встречаем следующее место: «Вы спрашиваете, буду ли я обсуждать «человека». Думаю обойти весь этот вопрос, с которым связано столько предрассудков, хотя я вполне допускаю, что это наивысшая и самая увлекательная проблема для натуралиста» [Рогинский, 1953].

Но очень скоро после появления «Происхождения видов» у Дарвина складывается убеждение в обязанности для него заявить о своей позиции и по вопросу происхождения человека.

В другой работе, посвященной Ч. Дарвину-антропологу, Я.Я. Рогинский [Рогинский, 1957]

пишет о тяжком испытании, выпавшем на долю создателя теории антропогенеза, ибо современники считали несовместимым с нравственным законом и человеческим достоинством кровное родство человека и животного. При этом антропогенез не был для ученого предметом главного интереса, хотя его общая теория эволюции сильно стимулировала исследования в этой области.

Самая большая трудность, с которой столкнулся Ч. Дарвин, заключалась в том, что принцип естественного отбора, царивший в природе, не мог объяснить истории цивилизации, подъема и упадка культур отдельных народов, т.е. явлений общественной жизни человека.

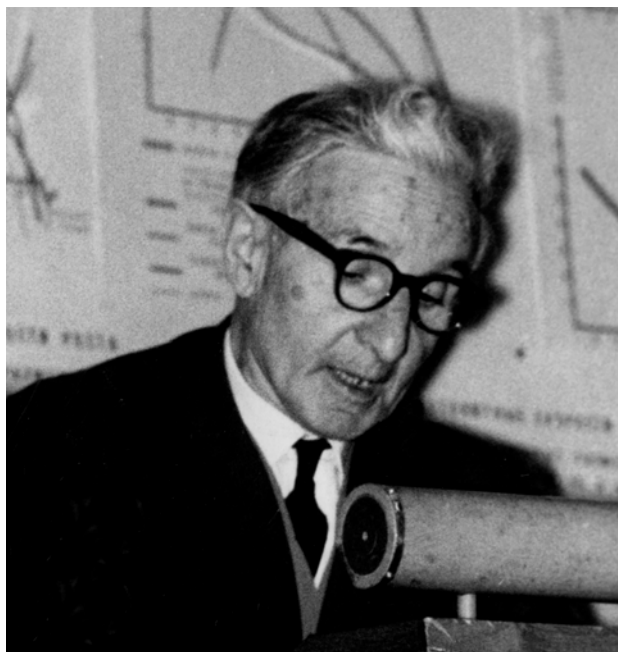
Я.Я. Рогинский замечает, что содержание и построение труда Дарвина об антропогенезе отражают внутренние противоречия, которые испытывал ученый. Название труда «Происхождение человека и половой отбор» содержит противоречие, так как соединяет комплексную проблему антропогенеза и один из частных факторов эволюции.

В содержании книги 10 глав посвящено человеку, а остальные половому отбору у животных. То есть собственно происхождению человека посвящено лишь одна треть книги.

Исследователи констатировали различия в изданиях обсуждаемого труда в редакциях 1871 и 1874 г. Особенно это касается роли естественного отбора в современном обществе. Во втором издании роль естественного отбора перенесена на первобытное состояние. В более позднем издании Дарвин пишет о небольшом значении отбора у цивилизованных народов, о роли обычаев, о значении социальных факторов, а также об особой форме отбора в цивилизованном обществе. В первом издании труда Дарвина всего этого нет.

Будучи биологом, Дарвин не рассматривает такие проблемы антропогенеза как условия и время возникновения социальных отношений и социума. Главное, что Дарвин убедительно и всесторонне доказал генезис человека от более низкоорганизованных форм, а также естественность процесса происхождения человека.

Благодаря трудам Дарвина в науке началось обсуждение вопросов: 1) генеалогии человека, 2) значения древесной и наземной жизни предков человека для оформления особенностей его строения и поведения, 3) древности отделившейся гоминидной ветви от ствола эволюционного древа, общего с другими приматами, 4) проблемы прародины гоминид, 5) движущих сил антропогенеза и т.д.

Илл. 1. Яков Яковлевич Рогинский

Роль древесных форм в эволюции человека

Я.Я. Рогинский считал важным факт установления существования древесных форм в родословной человека [Рогинский 1969, 1977]. Впервые Ч. Дарвин выступил с предположением о существовании древесных форм в эволюции человека. Я.Я. Рогинский утверждал, что древесность предков человека имеет такое же методологическое значение, как и признание роли естественного отбора. Отрицание древесности в гипотезе Г. Осборна связано с отрицанием обезьяноподобного предка человека вообще. Предком человека он считал «человека зари». Далее, классификация гоминид в системе приматов связана с оценкой свойств, обслуживающих локомоцию. Наконец, важно было исследовать признаки современного человека, связанные с древесностью.

Происхождение человека современного вида

Я.Я. Рогинский придавал особенное значение проблеме предшественника современного человека [Рогинский, 1969, 1977]. В прошлом столетии неантропы противопоставлялись палеоантропам и архантропам, включая в себя ископаемые формы

Илл. 2. Череп мустьерского сапиенса Староселье (Крым)

Homo sapiens и современного человека. Я.Я. Рогинский считал, что ни одна из проблем антропогенеза не подводит так близко к выяснению сущности человека. Я.Я. Рогинский, как большинство ученых своего времени, был сторонником «неандертальской» концепции.

При этом он отмечал, что новые палеоантропологические, археологические и геологические данные заставили исследователей рассматривать разные варианты гипотезы «неандертальской фазы». В частности, может ли теория «неандертальской» фазы прямо сочетаться с отрицанием прямой генетической связи западноевропейских палеоантропов и неантропов? Мог ли процесс трансформации предка неантропа произойти на другой территории, нежели Европа? Кроме того, на что может указывать то обстоятельство, что на территории Европы мустьерское население не было однородным? Я.Я. Рогинский ставит важный вопрос, в состоянии ли географические и исторические условия разных частей света ускорять и замедлять трансформацию видов человека. Неоднородность антропологического типа мустьерского населения говорит в пользу данного предположения.

Геологические данные во времена Я.Я. Рогинского свидетельствовали о том, что неандерталоидные формы во всех частях света предшествуют современным. В настоящее время часть ранних неандерталоидных форм считаются принадлежащими к виду гейдельбергского человека. А традиционные неандертальские формы имеют возраст более внушительный, чем архаичные сапиентные формы.

При жизни Я.Я. Рогинского одной из самых древних находок ископаемого сапиенса была находка в Азии, на о. Калимантан с абсолютной датой $39\,600 \pm 1000$ лет. Этот сапиенс выглядел молодым на фоне многих находок неандертальцев. То есть в то время можно было сделать важный вывод о стратиграфической привязке анатомически сложившегося сапиенса к слоям более поздним, чем те, в которых найдены неандертальские индивиды.

В настоящее время изменились датировки и неандертальцев, и ископаемых сапиенсов. Самые древние сапиенсы Африки и Азии оказались древнее, чем «классические» неандертальцы Западной, Центральной и Восточной Европы, а также Западной и Средней Азии.

Я.Я. Рогинский в качестве аргумента в пользу теории «неандертальского звена» пишет о палеоантропах Ближнего Востока из пещер горы Кармел и Кафзех. Они представляются ему промежуточными по типу, т.е. переходными между двумя стадиями антропогенеза. Я.Я. Рогинский оговаривается, что существует и другая точка зрения на генезис скульцев. Сторонники теории «пресапиенса» считали, что скульцы – результат метисации неандертальцев и сапиенсов. Но тогда еще не были известны находки столь же древнего сапиенса в прилегающих регионах. Сегодня они известны. И теперь скульцы – гоминиды из пещер горы Кармел считаются «архаичными» сапиенсами древностью около 100 тыс. лет.

Я.Я. Рогинский в пользу «теории трансформации» относит факты находок черепов ископаемых неантропов, обладающие пережиточными неандертальскими чертами. В качестве примера он приводится череп позднемустьерского ребенка из памятника Староселье (Крым), обладающего неандерталоидными особенностями, описанными им самим [Рогинский, 1954] (илл. 2, 3). Автор пишет и об эндокроне ископаемого неантропа Кро-Маньона III, отмеченном архаичными (неандертальскими) особенностями, а также указывает на находки ископаемого человека современного типа с архаичными признаками надбровья (Хвалынский, Сходня, Подкумок). Я.Я. Рогинский характеризует их тип как совмещающий признаки неантропа и палеоантропа. Но все эти находки на Русской равнине не имеют ясного геологического возраста. Объяснений такого сочетания могут быть несколько: межстадиальный переход, метисация или сходство с архаичным предшествующим типом, который в современной палеоантропологии палеолита называется «гейдельбергский человек».

Илл. 3. Я.Я. Рогинский (второй справа) среди исследователей стоянки Староселье

Я.Я. Рогинский анализирует и археологические свидетельства. Например, указывает на существование переходных по типу культур от мустье к верхнему палеолиту. В настоящее время установлено, что в ряде регионах внеевропейских стран ранний палеолит сразу сменяется культурами микролитического облика.

Я.Я. Рогинский замечает, что строгое совпадение мустьерской культуры с морфологическим типом палеоантропа нарушено в некоторых памятниках. Он считал, что приведенные данные говорят о неабсолютном характере связи палеоантропов с позднеашельской и мустьерской культурами.

Таким образом, Я.Я. Рогинский считал аргументацию теории «неандертальской фазы» убедительной, но при этом отмечал наличие многочисленных возражений против нее.

Я.Я. Рогинский подробно разобрал теорию «пресапиенса», которую противопоставляли теории «неандертальской фазы» в антропогенезе [Рогинский, 1969, 1977]. Теория «пресапиенса» была обоснована Г. Хеберером, А. Валуа и А. Тома.

Я.Я. Рогинский считал, что поставить сапиенса вне эволюции остальных гоминид, начиная с рубежа плейстоцена, невозможно, также как вывести всех гоминид или значительную их часть

из его родословной (что лежало в основе гипотезы В.В. Бунака [Бунак, 1980]).

Я.Я. Рогинский [Рогинский, 1969, 1977] специально рассматривает вопрос о значении палеостинских находок. Смешанный состав населения «схульских» пещер не вызывает сомнения, включая, собственно находки в пещере Схул. А. Тома [цит. по: Рогинский, 1966, 1977] исследовал схульских гоминид и пришел к выводу, что они являются продуктом метисации сапиенса и неандертальца. При этом сапиенс, участвующий в метисации, очень древен и отличается рядом примитивных черт, которые являются результатом случайности или других причин. Я.Я. Рогинский заметил, что по ряду таксономических признаков «пресапиенс» – тип промежуточный между неантропами и палеоантропами. Ряд признаков схульцев (толщина кости в точке глабелла, протяженность скуловых отростков лобной кости, угол наклона лба, наименьшая ширина лба и т.д.) не могли приобрести такой морфологический вид в результате смешения сапиенса и неандертальца. Я.Я. Рогинский настаивает на том, что ни один из участников этой гибридизации не обладал сапиентным обликом. Даже наиболее прогрессивный участник смешения имел набор примитивных признаков, а поэтому не мог быть сапиенсом, и был переходной формой в процессе сапиентизации неандертальца.

Я.Я. Рогинский согласен с А. Тома в том, что лучше палеоантропов Схул не называть неандертальцами. В настоящее время предложена гипотеза о сапиентизации гейдельбержца, а находки из Схул классифицируют как «архаичный» сапиенс.

Я.Я. Рогинский согласен с утверждением, что линия сапиенса выделилась задолго до развитого мустье. Но когда? В начале мустье? Но нет никаких оснований, считает он, говорить о сложившемся сапиенсе, жившем на границе плейстоцена. Из рассуждений А. Тома вытекает, что была не только «гибридизация», но и «трансформация». Первое явление содействовало второму.

Я.Я. Рогинский согласен с термином «пресапиенс», так как им может быть обозначен предшественник сапиенса, но не согласен с теорией «пресапиенса». Сближая «пресапиенса» с сапиенсом, авторы теории затрудняют понимание процесса. Получается так, что у всех неандертальцев есть предки, а у сапиенса нет.

Находка гипотетического неантропа, более древнего, чем палеоантроп, могла бы лишь обозначать, что процесс сапиентизации в одних регионах шел быстрее, чем в других.

Прародина неантропа (человека современного типа). Теория «широкого» моноцентризма (по Я.Я. Рогинскому)

Автор отметил относительную малочисленность сторонником моноцентризма в период создания своей теории. Он привел взгляды В.П. Якимова [Якимов, 1950] на значение географических условий для эволюции групп. Условия приледниковья могли быть причиной специализации «классических» неандертальцев. В.П. Якимов сомневался в возможности обратного развития комплекса признаков, присущих палеоантропам. Если данное явление имело место, то потребовалось бы значительное время и одновременная повсеместная трансформация палеоантропов, как это допускали полицентристы. Важную роль местных географических условий для эволюции поздних гоминид подчеркивал М.И. Урысон [Урысон, 1964], говоря о генезисе неантропов.

«Узкий» моноцентризм не может объяснить сходства локальных вариантов палеоантропов и географических рас. Сходство современных рас в ряде биологических особенностей также трудно объяснить и с позиций полицентризма. Параллелизм как объяснение этого явления маловероятен. «Широкий» моноцентризм, который разработал

Я.Я. Рогинский, наоборот, утверждает, что сходство современных рас в деталях, не имеющих адаптационного значения, связано с генезисом их в одной, но широкой области [Рогинский, 1949]. Вероятно смешение возникших неантропов с местными палеоантропами, что привело к сходству в регионе конкретной расы сапиенса и местных неандертальцев.

Я.Я. Рогинский приводит доказательства правильности теории «широкого» моноцентризма [Рогинский, 1949]. Существуют многочисленные факты сходства всех современных человеческих рас: нет надглазничного валика, у них более низкое лицо, чем у предшественников, наличие подбородочного выступа мандибулы, характерное строение внутренней стороны симфиза мандибулы, второй моляр меньше первого, сходное развитие лобных пазух, число подборочных отверстий одинаково и т.д. С другой стороны, палеоантропологи отмечают местные особенности скелета гоминид, которых нет у современных рас.

Современные расы могут быть сходны по признакам, по которым сильно различаются предшествующие им питекантропы (например, ширина лица).

Я.Я. Рогинский корректно указывает на примеры сходства типа черепа у представителей современных рас и их древних предшественников. Длина нёба в процентах верхней высоты лица сходна у европеоидов и западноевропейских неандертальцев, океанических групп и находок из Талгая и Когуну. Но такого совпадения не выявлено в других регионах: здесь мы наблюдаем различную динамику изменения признака от палеок неантропам. Логичнее предположить, что имело место смешение с местными палеоантропами на периферии зоны возникновения и расселения неантропов.

Очень интересно сопоставить взгляды Я.Я. Рогинского на место прародины неантропа и современные воззрения на этот счет.

Он считал, что Передняя Азия входила в зону, где шел интенсивный процесс формирования сапиенса. Основой для подобного вывода послужила морфология ближневосточных гоминид. Сейчас чаще считают, что указанный регион представляет собою область, соединяющую Африку и Евразию и находящуюся на пути миграции возникшего в Африке сапиенса. Критики приведенного предположения указывают на сапиентные черты ряда неандертальцев разной древности в Европе (Пешь дель Азе, Арси-сюр-Кюр2). Приведенные Я.Я. Рогинским примеры гоминид из Эрингсдорф и Штейнгейм в настоящее время не считаются

неандертальцами, поэтому их прогрессивные черты не рассматриваются как «неожиданные».

Что касается Африканского материка, то Я.Я. Рогинский обращает наше внимание на Южную Африку, а именно на находку в Флорисбаде, отмеченную прогрессивными особенностями. Современные передатировки находки из Флорисбада показывают на значительную древность этого архаичного сапиенса (более 200 тыс. лет). Для Я.Я. Рогинского этот индивид является переходной формой между палеоантропами и неантропами. Прогрессивные особенности данного гоминида, пишет автор, признаются многими антропологами. Я.Я. Рогинский замечает, что, если промежуточность строения черепа из Флорисбада будет доказана, то можно считать Южную Африку, как и Палестину, прародиной сапиенса. Он также указывает, что по ряду признаков находка из Флорисбада походит на скульцев. Но при этом Я.Я. Рогинский отрицает генетическую связь находки из Флорисбада и гейдельбержца из Брокен-Хилл (Южная Африка).

Обсуждается вопрос о возможном генезисе сапиенса в Австралии и Юго-Восточной Азии. Автором обсуждаются черепа из Когуны, Талгая, Кейлора, Ваджака, Ниа. Я.Я. Рогинский считает, что нет прямой связи австралийцев и указанных (первых трех) архаичных голоценовых сапиенсов. Более древняя находка черепа в Кейлор (Австралия) близка к черепу из Схул, а не к черепу из Нгандонга.

Я.Я. Рогинский подробно обсуждает гипотезу переднеазиатского генезиса сапиенса. Сапиентные черты кармельцев широко распространены в позднем палеолите: низкие орбиты, широкие и невысокие лица, длинные предплечья и голени, высокий рост. Им доказывается большая прогрессивность палестинцев (например, Схул IV) в сравнении с западноевропейскими неандертальцами и специфическое сходство Схул IV и кроманьонцев по форме лица, малой высоте орбит, большой длине тела и удлинённости голени. В современной литературе скульцы определены как архаичные сапиенсы.

Восточнее этих территорий, глядя на находку из Шанидар, мы не видим этой прогрессивности. А находка в Тешик-Таш в Средней Азии не отличается от типичных палеоантропов.

Другие явления видит Я.Я. Рогинский в северо-западном направлении от Палестины. Ребенок Староселье, синхронный по времени мустьерскому периоду, представляет собою сапиенса с архаичными признаками. Это говорит о том, что в Восточной Европе неантроп возник раньше, чем

в Западной Европе. Палеоантропологические находки на Средней и Нижней Волге (время – поздний палеолит?) относятся к типу ископаемого неантропа с очень архаичными особенностями. Двигающиеся с севера материковые льды теснили палеоантропов, их расселение шло на восток, в районы Поволжья и Предуралья, и на запад – до Средней Европы. На местах происходила их метисация с аборигенами. В этой зоне интенсивного смешения найдены все черепа переходного типа: это находки из Хвалынского, Пятигорска, Днепропетровска, Брно, Пшедмоста и т.д. Я.Я. Рогинский вспоминает работу по романковской бедренной кости, которая, по мнению М.А. Гремяцкого и Е.Н. Хрисанфовой, принадлежала палеоантропу с современными чертами (сходство с находками из Схул и Крапина) [Гремяцкий, 1948; Хрисанфова, 1965].

Е.Н. Хрисанфова выявила специализацию посткраниального скелета неандертальцев, выраженную особенно сильно в структуре костей и пропорции тела. Отклонения от современного типа у них больше, чем у многих ископаемых гоминид, включая ранних. Поэтому эволюционная преемственность двух видов представляется невозможной.

В.И. Кочеткова обнаружила специализированные черты в эндокроне «классических» неандертальцев (особенно в лобной области) [Кочеткова, 1973].

Крапинцы, обладая прогрессивными чертами в длинных костях, имеют специализации в зубной системе и поэтому не могут быть включены в родословную современного человека.

Находки в Романково и Староселье, днепропетровские черепа свидетельствуют о появлении в конце мустьерского времени человека современного типа и т.д.

Я.Я. Рогинский делает вывод о большем обилии находок ископаемого сапиенса в Передней Азии и Юго-Восточной Европе.

Я.Я. Рогинский задается вопросом, насколько древние переходные переднеазиатские формы? Называется дата, не превосходящая 50 тыс. лет для находки в Табун. Правда, автор знает и большие по величине даты. Сегодня древность находок в Табун и Схул оценивается примерно 100 тыс. лет. Уделено внимание находки в Кафзах, которая характеризуется рядом кроманьонских особенностей. В то время максимальная допустимая древность его оценивалась около 70 тыс. лет. Сейчас древность находки в Кафзах оценивается как более ранняя, примерно 100 тыс. лет. Интересно, что Я.Я. Рогинский справедливо

предполагает, что, возможно, можно говорить о более раннем возрасте позднего палеолита и переходных форм в Восточном Средиземноморье. Сейчас это не вызывает ни у кого протеста. Еще более древние формы архаичного сапиенса известны в Африке.

Я.Я. Рогинский отмечает в целях корректности полное несоответствие палеоантропологического обоснования «широкого» моноцентризма и археологических данных, касающихся случаев регионального перехода среднего палеолита в верхний.

Он считает, что необходимо считаться с возможностью контактов мустьерских групп, что не опровергается отсутствием следов заимствования приемов обработки камня. Эти контакты могли быть редкими, но ими нельзя пренебречь. Археология грешит противоречиями в вопросе о выраженности границ между регионами в раннем и в позднем палеолите. Здесь необходимо дальнейшее изучение. Констатированная изоляция мустьерских групп может объяснить их застой, но не прогресс. Да и явление влияния более сложное, чем заимствование.

Я.Я. Рогинский справедливо полагает, что трудно себе представить отсутствие миграций в мустьерское время, т.к. миграции присущи не только животным, но и доказаны для древнейших людей, в частности для популяций человека верхнего палеолита.

Эти соображения не противоречат фактам устойчивости технических традиций мустье и относительной изоляции мустьерских коллективов, т.к. определенная степень оседлости необходима для выработки характерных для коллектива приемов работы. Но это не означает отсутствия контактов с пришельцами из других коллективов, обладающих новыми знаниями и технологиями.

Стабильность мустьерских коллективов – это большая проблема для сторонников моноцентризма, но для сторонников полицентризма столь же сложно объяснить сходство позднепалеолитических людей в разных районах Евразии.

Происхождение неантропа и природная среда

Я.Я. Рогинский уверен, что этот вопрос имеет отношение к проблеме прародины современного человека [Рогинский, 1977]. Существуют две точки зрения на данный вопрос. Сторонники одной точки зрения писали о малой зависимости

общества от природы. Сторонники другой считали, что среда сильно влияет на развитие материальной культуры и хозяйственную деятельность людей палеолита. Но и они не отрицали качественного своеобразия и ведущей роли социальных законов.

Трудно отрицать, что существовало соответствие существенных изменений в протоистории человечества и окружающей среде: культура галек и австралопитеки – охлаждение климата в Африке, средний и нижний палеолит и питекантропы, неандертальцы – ледниковый период, верхний палеолит и современный человек – криогенный период. Переход к бипедии и охоте соответствовал изменению режима влажности. Увеличение сухости и похолодание соотносятся с верхним палеолитом. Постоянство природного окружения в тропиках было причиной сохранения архаических культур. Конец мустье и поздний палеолит соотносился с изменением ландшафта в Европе. Также надо признать значение и предшествующих оледенений.

Доказано влияние холодного климата на материальную культуру и быт охотников и собирателей в позднем палеолите. Но при этом существовали примеры этнокультурных провинций, которые не зависели от влияния среды. Влияние среды на жизнь древних людей не вызывает сомнения, а вот облик орудий не зависит от среды. Свойства кремня как элемента природной среды влияют на производство орудий.

Предполагают, что своеобразие развития палеолитической культуры стран Южной и Юго-Восточной Азии по сравнению с северо-западными регионами было обусловлено природными условиями.

Я.Я. Рогинский не видит решающей роли среды в формировании современного неантропа, хотя очевидно, что неантроп с его культурой и общественным строем имел больше возможностей, чем палеоантроп, для переживания сурового природного периода (похолодание и засушливый климат).

Надо говорить и об обратном влиянии человека верхнего палеолита на среду (например, охота). А в неолите уже огромное значение имело производящее хозяйство. Жизнь человека в обществе носила отпечаток навыков охоты, особенно в случаях межличностных конфликтов.

В процессе возникновения сапиенса преимущественно имели те коллективы, в которых разум был выше разрушительных сил. Имеется в виду несоответствие между вооруженностью коллектива и неустойчивостью ее социальной организации, т.е.

необходимо было преодолевать опасные последствия технического прогресса.

Исследование эволюции онтогенеза гоминид

Анализ костных остатков разновозрастных форм гоминид дает возможность апробировать модели антропогенеза, в которых основной причиной морфофизиологической трансформации предкового типа человека считается изменение темпа онтогенетического развития (ретардация у Л. Болька).

Я.Я. Рогинский указывал на слабые места концепции Л. Болька, демонстрируя примеры ускорений в развитии ряда признаков в утробном периоде, а также в постэмбриональном [Рогинский, 1977]. Существует различный темп роста органов в разные периоды онтогенеза, а эволюция онтогенеза в антропогенезе не сводится лишь к запаздыванию (ретардации). Наличие ряда особенностей (особенно, структурных) у современного человека не объяснимо с позиции обсуждаемых воззрений Л. Болька на механизм антропогенеза. Сосуществование ускорений и замедлений темпов онтогенетического развития, объективно существующее, также противоречит гипотезе направленного изменения характеристик онтогенеза в эволюции гоминид [Рогинский, 1977].

Одновременно существует и другой взгляд на рассматриваемый вопрос. Например, эволюция пропорций тела человека и особенностей его лица более понятна, если вспомнить о некоторых конкретных вариантах перестройки признаков в онтогенезе, рассмотренные в теории филэмбриогенеза А.Н. Северцова. Механизм «фетализации» принимается, если приравнять его к модусу отрицательной анаболии [Рогинский, Якимов, 1968]. В.В. Бунак также считал, чтобы в процессе критики Л. Болька не следует принижать значения эволюционных изменений темпа онтогенеза [Бунак, 1959]. Онтогенез человека продолжает генеральные тенденции в эволюции онтогенеза млекопитающих. Ретардация, наблюдаемая в индивидуальном развитии человека, как бы консервирует генерализованный путь развития [Verhubst, 1993].

Признаки скелета позволяют проследить некоторые особенности онто-филогенетических взаимоотношений в эволюции гоминид, послуживших возможными эволюционными механизмами. Так, изучение динамики относительных величин сегментов длинных костей в онтогенезе на фоне

величин их у современного человека позволило Я.Я. Рогинскому сформулировать гипотезу, согласно которой видоспецифическое изменение градиентов роста (в смысле отбора), общих для широкого круга форм (например, позвоночных), ведет к появлению в эволюции новых значений признаков у дефинитивных форм [Рогинский, 1960]. Смысл указанного – в менее болезненной ломке раннее сложившихся связей в организме. Онтогенез как бы предоставляет резерв скоростей или темпов роста, которые могут быть усилены в результате отбора необходимых для вида пропорций тела и соотношения их частей [Рогинский, 1977].

Библиография

- Бунак В.В. Род Номо, его возникновение и последующая эволюция. М., 1980.
- Бунак В.В. Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас // Труды Института этнографии. Н. с., 1959. Т. XLIX.
- Гремяцкий М.А. Проблема промежуточных и переходных форм от неандертальского типа человека к современному // Ученые записки МГУ, 1948. Вып. 115. Труды Музея антропологии. С. 33–77.
- Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора / Сочинения. В 9 т. Под общей ред. Л.С. Берга и др. М.-Л.: Изд-во биологической и медицинской литературы, 1939. Т. 3.
- Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор. Выражение эмоций у человека и животных / Сочинения. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 5.
- Кочеткова В.И. Палеоневрология. М.: Изд-во МГУ, 1973.
- Рогинский Я.Я. Теория моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения современного человека и его рас. М.: Изд-во МГУ, 1949.
- Рогинский Я.Я. Чарльз Дарвин и проблема происхождения человека // Дарвин Ч. Соч. Т. 5. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
- Рогинский Я.Я. Морфологические особенности черепа ребенка из позднемустьерского слоя пещеры Староселье // Советская этнография, 1954. № 1.
- Рогинский Я.Я. Об устойчивости типа пропорций, характерного для вида // Зоологический журнал, 1957а. Т. 36.
- Рогинский Я.Я. О некоторых общих вопросах теории антропогенеза // Вопросы философии, 1957б. № 2.
- Рогинский Я.Я. О формировании пропорций тела путем усиления градиентов роста // Вопросы антропологии, 1960. № 2.
- Рогинский Я.Я., Якимов В.П. Теоретическое наследие А.Н. Северцова и некоторые проблемы антропогенеза // Журнал общей биологии, 1968. Т. 29. № 1.
- Рогинский Я.Я. Проблемы антропогенеза. М.: Высшая школа, 1977.

Урысон М.И. Начальные этапы становления человека: Древнейшие и древние люди // У истоков человечества: основные проблемы антропогенеза. М., 1964. С. 83–152.

Хрисанфова Е.Н. Бедренная кость палеоантропа из Романково // Вопросы антропологии, 1965. Вып. 20.

Якимов В.П. Европейские неандертальцы и проблема формирования Homo sapiens // Краткие сообщения

Института этнографии АН СССР. М.,-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Вып. IX. С. 21–23.

Verhubst J. Louis Bolk revisited. II. Retardation, hypermorphosis and body proportions of humane // Med. Hypotheses, 1993. Vol. 41. N 2. P. 100–114.

Контактная информация:

Харитонов Виталий Михайлович: e-mail: h1946v@yandex.ru.

PROBLEMS OF EVOLUTIONARY ANTHROPOLOGY IN ROGINSKY'S WORKS

V.M. Kharitonov

Lomonosov Moscow State University, Research Institute and Museum of Anthropology, Moscow

The main works of Y.Y. Roginsky in the field of evolutionary anthropology were dedicated to issues of a modern human's origin and his ancestral homeland. Y.Y. Roginsky devoted many works to criticism of a hypothesis of «presapiens's» existence in Europe. Attracting paleoanthropological and archaeological data he also made up a lot for justification the concept of «a Neanderthal phase» in a family tree of H. sapiens. Y.Y. Roginsky is the author of developed detail concept of «wide monocentrism» in a question of an ancestral homeland of H. sapiens. He stated his own points of view on problems of neoanthrop's origin and environment. Y.Y. Roginsky developed such problem as «ruptures of gradualness» and the speed of evolution of human ancestors. Development of philosophical aspects of anthropogenesis is essential. The scientist paid much attention to anthropological works of Ch. Darwin, allocated the main achievements in development of anthropogenesis model, and explained limitation of some theoretical provisions. Y.Y. Roginsky considered importance of the establishment of arboreal forms' existence in a human family tree. At last, in some works Y.Y. Roginsky concerns at the problem of relations between ontogenesis and filogenesis of hominids.

Keywords: Y.Y. Roginsky, anthropogenesis, hominids, hypothesis of «presapiens», «wide» monocentrism, origin of a neoanthrop, anthropogenesis according to Ch. Darwin, relation between ontogenesis and filogenesis of hominids